

УДК 167.7, 316.012

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ: КОГНИТИВНАЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА

Фахрутдинова А. З.

Сибирский институт управления – Филиал РАНХиГС, г. Новосибирск, Российская Федерация

E-mail: faamina@yandex.ru

В статье исследована возможность использования моделей и выводов, разработанных постпозитивистами при решении проблемы формирования парадигмы (Т. Кун), научно-исследовательской программы (И. Лакатос), научной дисциплины (Ст. Тулмин) как основы методологии социальных наук. Предпринята попытка фрагментарной реализации этой программы. В качестве механизма формирования как научной, так и социальной традиции представлена системность и взаимосвязанность составных частей традиции друг с другом и (или) с элементами другой традиции. Показано действие данного механизма при формировании ньютоновской классической картины мира, обосновании Н. Бором «принципа дополнительности». В духе представлений о системности как механизме формирования социальных инноваций проинтерпретирован анализ «первоначального накопления» К. Маркса. Проанализирована и смежная с проблемой формирования парадигмы задача – решение вопроса об условиях стабилизации традиции. За методологическую основу взята эволюционная модель развития науки Ст. Тулмина. Сделан вывод, что стабильность традиции обеспечивается за счет действия механизмов отбора новаций. Различаются когнитивные и институциональные механизмы и факторы отбора. Показано, что системность и взаимосвязанность элементов традиции является не только фактором формирования научной и социальной инновации, но имеет решающее значение для «блокирования» новаций, не способных вписаться в существующую систему или стать элементом новой. Действие «системного» отбора выявлено при анализе развития аристотелевских представлений о движении, системы письма в целом, традиции употребления кириллицы. В качестве институциональных механизмов отбора обозначены профессиональные форумы, институты научной и социальной коммуникации. Данные факторы отбора разделяются на внутренние, т. е. действующие в рамках одной духовной или социальной сферы, и внешние.

Ключевые слова: постпозитивизм, традиция, инновация, когнитивный и институциональный отбор, внутренняя и внешняя системность традиции.

Проблема соотношения традиций и инноваций начала активно обсуждаться в середине прошлого века в контексте гносеологических и методологических исследований: в работах Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда, Ст. Тулмина и др. Впервые наука, олицетворявшая до этого рациональность и новаторство, была описана как традиционный институт, подчиняющий свое развитие некому парадигмальному видению. Новации оказывались легитимными только в том случае, если вписывались в существующую парадигму и не противоречили её основным положениям.

Одна из важнейших проблем, возникшая в ходе обсуждения базовой концепции Куна, касалась механизмов формирования принципиальной инновации – «парадигмы» (по Куну), «научно-исследовательской программы» (по Лакатосу), «научной дисциплины» (по Тулмину). С точки зрения теории Куна, изложенной в «Структуре научных революций», принципиальное изменение нормального состояния науки – ее парадигмального состояния (Кун так и называет этот период – «нормальная» наука) – явление экстраординарное. Оно происходит в результате накопления множества значимых аномалий, противоречащих господствующей парадигме. В этот период вспоминаются идеи, отвергнутые научным сообществом ранее или уже почти забытые. Именно они становятся основой новой парадигмы. Очевидно, что такое объяснение оставило много белых пятен в понимании как закономерностей формирования и легитимизации нового видения, так и механизмов поддержания традиционного состояния науки.

В рамках концепции научных исследовательских программ Лакатосом было предложено интересное объяснение стабильности существования исследовательских программ, многие из которых «выживали» и господствовали долгое время, несмотря на многочисленные контрпримеры (аномалии по Куну). Это происходило благодаря построению вокруг «жесткого ядра» программы, включающего основные концептуальные, не подвергаемые сомнению положения, ряда «защитных поясов» – набора вспомогательных гипотез, направленных на опровержение контраргументов. Не так удачно, на наш взгляд, решена проблема смены программ. Она характеризуется как «пункт насыщения» – состояние, в котором положительная эвристика «защитных поясов» уступает место отрицательной. На этой стадии развития науки – Лакатос называет её вырожденной или регрессивной – основные усилия направлены на опровержение контрпримеров с помощью *ad hoc* допущений, а не на развитие гипотез защитного пояса, освоение нового эмпирического материала. Именно в этот момент на смену существующей программе приходит альтернативная. Каков механизм формирования этой альтернативы? Каков состав её элементов? Эти вопросы остаются без ответа.

Представляется, что важнейшим когнитивным механизмом формирования новой парадигмы является возможность сочетания новаций, существовавших до этого на периферии различных программ. Самым ярким примером реализации такого механизма является возникновение ньютоновской классической картины мира на основе логической связи положений «небесной механики», существовавших определенное время в статусе недоказанных гипотез, с открытиями «земной механики» и результатами действий технических устройств, позволивших верифицировать данные гипотезы. История науки дает множество других примеров действия подобного механизма. Зачастую при этом «материал» для формирования новых программ их создатели заимствуют из различных областей культуры: из истории науки, теологии, философии, смежных дисциплин. Например, Коперник, объясняя поведение тел на вращающейся Земле, прибегал к теологическому принципу совершенства всего естественного. Как убедительно показал Дж. Холтон, Н. Бор обосновывал свой принцип дополнительности, обращаясь к широкому кругу идей как научного, так и общекультурного характера.

В частности, он ссылался на работы философа и психолога У. Джемса, который говорил о сосуществовании в сознании субъекта частей, взаимно изолирующих друг друга и делящих между собой объекты познания [13, с. 179–188].

В рамках постпозитивизма наработано множество других моделей, способных, на наш взгляд, стать методологической основой исследования соотношения традиции и новации в широком смысле слова. Приоритетными являются следующие вопросы: что является базовым, «нормальным» для социального развития: изменчивость или стабильность; каковы механизмы поддержания того и другого состояний; каковы факторы и механизмы формирования кардинальной инновации? Принципиальным является ответ на вопрос о том, работают ли закономерности, открытые для области развития науки, в других сферах социума.

Рассмотрим первый вопрос. Ряд исследователей считают именно традицию, следование норме исходным, базовым состоянием социума. По мнению Р. Мертона, «...мысль о том, что люди действуют в рамках социальных стандартов, выработанных теми группами, частью которых они являются, возникла еще в древности и, вероятно, вполне разумна» [7, с. 426].

Э. Гидденс в своей теории структуриации также представляет социальную деятельность как постоянно повторяющиеся практики. «Предметом социальных наук, в соответствии с теорией структуриации, является не опыт индивидуального актера и не существование какой-либо формы социентальной тотальности, а социальные практики, упорядоченные в пространстве и времени» [4, с. 41]. Близкой концепту социальным практикам является и понятие *habitus* П. Бурдьё – наличие структур, «сформированных нашими прошлыми практиками, отобранных временем и типичными жизненными ситуациями, результатами прошлых взаимодействий, выкристаллизовавшихся в нормы» [3, с. 18]. Также представление о норме, социальном образце как основе существования социума составляет суть теории социальных эстафет М. А. Розова. «Воспроизведение человеческой деятельности или поведения по непосредственным образцам я и называю социальными эстафетами», – пишет он [9, с.85].

Другие мыслители занимают противоположную позицию: рассматривают изменчивость в качестве атрибутивного свойства социального развития. Так, К. Маркс утверждал, что именно постоянные новации в сфере производительных сил порождают смену производственных отношений и общественно-экономических формаций. Современное общество еще более адекватно описанию в терминах изменчивости. З. Бауман в своей работе «Текущая современность» фиксирует разрушение норм и наступление эры тотальной изменчивости в обществе постмодерна. «В наши дни паттерны и конфигурации больше не заданы и тем более не самоочевидны, – пишет он; – их слишком много, они сталкиваются друг с другом, и их предписания противоречат друг другу, так что все они в значительной мере лишены своей принуждающей, ограничивающей силы» [2, с. 14]. Разрушение паттернов приводит к переходу к пластичному, изменчивому, текучему миру. Так или иначе, постоянную изменчивость современного мира фиксируют концепции «информационного», «сетевоего» общества, общества постмодерна.

Характерно, что авторы нормативных теорий в ходе развития своих идей также приходят к признанию изменчивости самих норм, стандартов и социальных практик. Так, развитие теории социальных эстафет приводит её автора к признанию появления инноваций при воспроизводстве образцов. «Эстафета сама по себе неустойчива, она постоянно мутирует, если нет дополнительных механизмов её стабилизации», – признает Розов [9, с. 103]. Аналогичным образом преемственность практик, по Гидденсу, предполагает рефлексивность, последняя же в конечном счете приводит к трансформации социальных практик.

Однако такой теоретический поворот приводит к выводу о размывании границ между традицией и инновацией, признанию всеобщей изменчивости, нестабильности, подвижности социума, его абсолютной «текучести». Вместе с тем история и рефлексия над развитием различных сфер общества свидетельствуют о том, что социальные нормы достаточно стабильны, а традиция и инновация принципиально различаются. Вспомним, что система представлений о движении, основанная на «Физике» Аристотеля, господствовала почти две тысячи лет. Немного меньше просуществовала в астрономии геоцентрическая система Птолемея. Основы классической Ньютонической механики не подвергались сомнению в течение почти 250 лет. Весьма устойчивы и социокультурные традиции: так в российской культуре уже почти двести лет воспроизводится противостояние «западников» и приверженцев аутентичного пути развития нашей страны.

Действительно, и в этом можно полностью согласиться с Розовым: для того, чтобы понять, как возможна традиция, необходимо выявить механизмы ее стабилизации, представить факторы отбора новаций. Такого рода работа применительно к вопросам развития науки была проведена постпозитивистами, в частности Ст. Тулминым. Вполне перспективным, на наш взгляд, является его эволюционный подход, представляющий процесс стабилизации научных практик как результат действия механизмов отбора.

В качестве условий отбора Тулмин представляет ряд факторов, которые можно обозначить как когнитивные и институциональные. К классу когнитивных можно отнести такие факторы, как большая релевантность, точность, объяснительная сила сравниваемых концепций; неформальные стандарты и идеалы данной науки; эвристическая сила побочных последствий теорий; исторический опыт развития дисциплины.

Под институциональными условиями отбора Тулмин понимает наличие и действие профессиональных форумов: научных школ, научной периодики и наград, институтов научной коммуникации, согласие профессионального сообщества относительно критериев отбора [11, с. 223–242].

Можем ли мы использовать эволюционную модель Тулмина для исследования других социальных новаций? Другими словами, правомерно ли использование моделей, появившихся в рамках методологии науки, для социального исследования? Вопрос о возможности такого использования был уже обозначен выше. Положительный ответ на него определяется, на наш взгляд, тем, что Кун и

постпозитивисты в целом рассматривали науку как социальный институт, т. е., по сути дела, строили методологию социальных наук и социальную теорию.

Итак, существует ли когнитивный и институциональный отбор для других социальных и культурных новаций? Покажем, что данные механизмы работают как в науке, так в других сферах общественной жизни.

Представляется, что решающее значение как для поддержания традиции, так и для формирования новой имеют когнитивные факторы, в частности системность и взаимосвязанность составных частей традиции друг с другом и (или) с элементами другой социальной традиции. Внутренняя и внешняя системность традиции является фактором, отсекающим новации, не способные вписаться в существующую систему или стать элементом новой. Одновременно, именно возможность нескольким аномальным новациям, сохраняющимся на периферии различных научных программ и в общекультурном пространстве, составить новую систему обуславливает смену парадигм и традиций.

Близкие к данной позиции взгляды развивал известный математик А. Пуанкаре. Изобретение в математике Пуанкаре интерпретирует как умение «распознавать и выбирать такие факты, которые открывают нам связь между законами, известными уже давно, но ошибочно считавшимися не связанными друг с другом» [8, с. 359]. Пуанкаре считал, что побеждают «красивые» комбинации. Новая математическая комбинация будет «красивой» в том случае, если она находится в согласии, гармонично сочетается с элементами некоторой системы. Таким образом, открытие, т. е. нововведение, может пройти фильтр системного отбора только при условии согласованности, сочетаемости с другими элементами теоретического знания. И, наоборот, нововведение, не обладающее этими качествами и не способное ни вписаться в существующую систему, ни стать элементом новой, не будет принято научным сообществом. По мнению Пуанкаре, оно даже не будет осознано.

Применительно к развитию научного знания хорошим примером действия «системного» отбора может служить аристотелевская традиция. Именно «системность» аристотелевских представлений о движении не позволила «проникнуть» в «тело» этой традиции таким новациям, как утверждение о возможности пустоты, понятие бесконечно большого тела и актуальной бесконечности. Все концепты аристотелевской физики – категории цели, пространства, времени; теория континуума; непризнание актуальной бесконечности; концепция замкнутого космоса с системой фиксированных мест – необходимым образом связаны между собой. Неудивительно поэтому, что разрушение аристотелевской программы могло произойти только при переосмыслении всех понятий, использованных при описании движения. До того, как это стало возможным, сама система оказывала стабилизирующее воздействие на программу и «защищала» свои элементы от случайных «мутаций».

Известно, например, что уже в VI в. Симпликий, комментируя аристотелевскую «Физику», подвергает сомнению объяснение движения брошенных тел с помощью передающей среды. Однако, высказав подобное сомнение, Симпликий все-таки не решает развить свою мысль дальше и возвращается к аргументам Аристотеля. Что же остановило его? «Что же удерживало всех античных физиков от допущения,

которое теперь представляется наиболее простым, и заставляло столь выдающиеся для своего времени умы идти окольным путем, приписывая воздуху или воде искусственную роль передатчика движения?» – повторяет наш вопрос Я. Г. Дорфман [5, с. 73]. «По-видимому, препятствием служило общепринятое в то время представление о том, что тело, самостоятельно движущееся в определенном направлении, не отличается от одушевленного», – заключает он [там же]. Согласившись с этим предположением, добавим, что принятие подобного нововведения повлекло бы за собой массу других противоречий. Оно не согласовывалось бы с дихотомией естественного и искусственного, с запретом пустоты, а, следовательно, и с запретом бесконечно большой скорости; разрушило бы всю систему замкнутого космоса.

Механизм отбора, связанный с действием фактора системности, работает как в науке, так и применительно к социальным традициям в широком смысле слова. Так Ф. де Соссюр, объясняя причину стабильности знаков языка, выделяет три фактора: 1) большая величина усилий, затрачиваемых на овладение языком; 2) множественность знаков в любом языке; 3) слишком сложный характер системы языка. Взаимосвязанность всех знаков языка приводит к тому, что изменить можно только всю систему в целом, а этому, в свою очередь, мешает огромное количество знаков языка и связанная с этим величина усилий, направленных на его овладение. «Система письма, состоящая из 20–40 букв, может быть, если на то пошло, заменена другой, – пишет он, – то же самое можно было сделать и с языком, если бы число элементов, его составляющих, было ограниченным. Но число знаков языка бесконечно» [10, с. 107].

Еще один пример из языкознания – традиция употребления кириллицы в качестве письма. Эта традиция – одна из наиболее устойчивых в русской культуре. Попытки трансформировать письмо, внести в него элементы латиницы (или даже полностью перевести письмо на латинский алфавит) в большинстве своем терпят неудачу. Причиной этого служит, на наш взгляд, включенность письма в систему российской культуры в целом, прежде всего – в православную культуру.

Характеризуя возникновение кириллицы, М. В. Арапов пишет: «Кириллица, возникшая на периферии христианского мира, оказалась побочным результатом церковного раскола и орудием определенной идеологии. Внешне имитируя греческий текст и символизируя православность, то есть непоколебимую верность постановлениям семи первых вселенских соборов, кириллица стала средством сопротивления богатой и сложной византийской культуры «глобализму» и нивелирующему влиянию Рима, способом сохранения единого поля православной культуры» [1].

Именно за счет монолитности и «плотности» структуры, в которую включено кириллическое письмо, большинство попыток латинизации алфавита рассматривались как аномальные новации и отвергались. Характерно, что немногочисленные успешные движения в сторону латиницы приходились в России на периоды общей прозападной устремленности, когда национальный общекультурный контроль ослабевал.

В духе представлений о системности как факторе формирования социальной новации можно проинтерпретировать и общеизвестный анализ «первоначального накопления» К Маркса, представленный в двадцать четвертой главе «Капитала» [6, с. 662–706]. Маркс рассматривает формирование экономической структуры капиталистического общества как результат действия ряда факторов. Во-первых, он пишет о возникновении класса пролетариев как оторванных от средств своего существования и выброшенных на рынок труда людей. Маркс показывает, что это произошло в результате узурпации общинных земель, роспуска феодальных дружин, разорения монастырей, что, в свою очередь, было стимулировано резким повышением цен на шерсть для фландрских мануфактур. Во-вторых, Маркс пишет о жестоких законах против бродяжничества, коалиций, экспроприированных. В-третьих, речь идёт о возникновении и расцвете мануфактурного производства, возникающего в морских экспортных гаванях или в таких пунктах внутри страны, которые находились вне контроля старых городов с их цеховым строем. В качестве четвёртого фактора рассмотрена земледельческая революция, оказавшая обратное влияние на развитие промышленности. И, наконец, Маркс описывает предпосылки генезиса «промышленного капиталиста»: обогащение некоторых фермерских хозяйств, превращение ростовщического и купеческого капитала в промышленный, открытие золотых и серебряных приисков в Америке, жестокая эксплуатация населения колоний, торговая война европейских наций, государственный долг и т. п.

Обратим внимание, что некоторые из этих факторов связаны друг с другом причинно-следственной связью. Так, захват общинных и церковных земель был обусловлен ростом мануфактурного производства, принятие жестоких законов против бродяжничества и коалиций появляется в ответ на резкое увеличение числа экспроприированных крестьян и обитателей монастырей. Вместе с тем другие факторы возникли независимо друг от друга, их одновременное появление в «нужное время» и в «нужном месте» и составило собственно «тайну» возникновения новой формации. В число этих независимо возникших и независимо развивающихся друг от друга факторов можно включить:

- церковную Реформацию, приведшую к экспроприации церковных земель;
- возникновение машинного производства (вспомним, что прогресс в развитии производительных сил сам Маркс считал имманентно развивающимся и базовым для развития общества процессом);
- Великие географические открытия и последовавшие за ними захваты территорий и возникновение колоний и др.

Конечно, сам Маркс не делает выводов о системности и, по сути дела, о случайном совпадении независимо возникших новаций как механизме формирования новой формации. Такого рода заключение никоим образом не согласовалось бы с его детерминистической и линейной методологией исторического процесса. Однако тщательность и добросовестность марксова исторического и политэкономического анализа подспудно сработали против методологии, приведшей его автора к выводу о «локомотиве истории», с неизбежностью движущемся от одной формации к другой.

Что касается институционального отбора, то он имеет большое значение в качестве механизма стабилизации традиции. Сама сущность социального института предполагает поддержание устойчивости социальных явлений, сохранение норм, принципов и культурных образцов. Действительно, профессиональные форумы, на стабилизирующее действие которых ссылаются Тулмин, существуют не только в науке, но и в искусстве, политике, религии.

Факторы отбора можно условно разделить на «внутренние», т. е. действующие в рамках одной духовной или социальной сферы, и внешние. В последнем случае институт, осуществляющий отбор и стабилизирующий традицию, принадлежит к иной сфере. Классические и общеизвестные примеры действия таких институтов касаются роли церкви в отношении научных новаций (например, относительно идей гелиоцентризма) и воздействия политической идеологии на развитие искусства, общественных наук, общественных практик и пр. в тоталитарном обществе.

Однако, несмотря на общеизвестность этих примеров, суть действия такого рода институциональных механизмов полностью не раскрыта ни в философии, ни в социальной теории. Действительно, церковь является одним из наиболее консервативных социальных институтов. Однако её «запретительная» деятельность активизируется отнюдь не всегда и применяется отнюдь не ко всем новациям и сферам духовной жизни. Одна из гипотез, безусловно нуждающаяся в дальнейшем развитии и детализации, предполагает, что условием критической активности институтов одной социальной сферы по отношению к новациям в другой является их конкуренция в духовном или социальном пространстве [12, с. 132–133].

В целом программа исследования, сформированная при анализе истории науки, содержит серьёзный эвристический потенциал. Формат данной статьи не позволяет показать этот потенциал в полной мере. В случае успеха реализации данной программы можно будет более уверенно говорить о возможностях её интерпретации как методологии социальных наук.

Список литературы

1. Арапов М. В. Латиница и кириллица. Информация и фасцинация. – URL: <http://polit.ru/article/2003/09/23/625530/>. (Дата обращения: 18.11.2016).
2. Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 239 с.
3. Бурдьё П. Структуры, Habitus, Практики // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас / сост., пер. и вступ. ст. А. В. Леденевой. – Н-ск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 120 с.
4. Гидденс Э. Элементы теории структуризации // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас / сост., пер. и вступ. ст. А. В. Леденевой. – Н-ск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – С. 40–80.
5. Дорфман Я. Г. Всемирная история физики. Ч. 1. – М.: Просвещение, 1974. – 317 с.
6. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии // Избранные сочинения. В 9-ти т. Т. 7. – М.: Политиздат, 1987. – 811 с.
7. Мергсон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, Хранитель, 2006. – 873 с.
8. Пуанкаре А. Математическое творчество. Хрестоматия по общей психологии. – М.: Изд. МГУ, 1981. – С. 356–365.
9. Розов М. А. Философия науки в новом видении. – М.: Новый хронограф, 2012. – 440 с.
10. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
11. Тулмин Ст. Человеческое понимание. – М.: Прогресс, 1984. – 328 с.

12. Фахрутдинова А. З. Современный российский театр в борьбе за духовное лидерство: тенденции и конфликты // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2015. – Т. 1 (67). – № 2. – С. 126–136.
13. Холтон Дж. Тематический анализ науки. Пер. с англ. А. Л. Великович, В. С. Кирсанов, А. Е. Левин – М.: Прогресс, 1981. – 384 с.

Fakhrutdinova A. Z. Tradition and Innovation: Cognitive and Institutional Support // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 4. – P. 11–20.

This paper investigates the possibility of using the models and conclusions developed by postpositivists in solving the problem of paradigms (T. Kuhn), research programs (I. Lakatos), research discipline (St. Toulmin) as the basis of methodology of Social Sciences. Attempted piecemeal implementation of this program. As the mechanism of formation of scientific and social traditions represented consistency and interrelatedness of the component parts of traditions with each other and (or) with members of another tradition. Shows the effect of this mechanism in the formation of the classical Newtonian picture of the world, the justification of N. Bohr's "complementarity principle". In the spirit of the notions of consistency as the mechanism for the formation of social innovation interpreted as the analysis of "primitive accumulation" of K. Marx. Analyzed and related with the problem of paradigms of solving the question of stabilization of the tradition. For the methodological basis of evolutionary model of development of science of St. Toulmin. It is concluded that the stability of tradition is ensured by the mechanisms of selection of innovations. Different cognitive and institutional mechanisms and selection factors. It is shown that the consistency and interrelatedness of elements of tradition is not only a factor in the formation of scientific and social innovation, it is critical to "blocking" of innovations, not able to fit into an existing system or become a new element. Action "system" of selection identified in the analysis of the development of the Aristotelian concepts of motion, systems of writing in general, the tradition of the use of the Cyrillic alphabet. As institutional mechanisms for the selection indicated professional meetings, institutes of scientific and social communication. These selection factors are divided into internal, i. e., within a spiritual or social sphere and external.

Keywords: postpositivism, tradition, innovation, cognitive and institutional selection, internal and external consistency of the tradition.

References

1. Arapov M. V. Latinita i kirillitsa. Informatsiya i fastsinatsiya. [Latin and Cyrillic. Information and fascination]. – URL: <http://polit.ru/article/2003/09/23/625530/> (Accessed: 18.11.2016).
2. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost [The Fluid Present]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008, 239 p.
3. Burde P. Strukturyi, Habitus, Praktiki [Structures, Habitus, Practice]. Sovremennaya sotsialnaya teoriya: Burde, Giddens, Habermas. [Modern Social Theory: Bourdieu, Giddens, Habermas]. Ledeneva V. A. Novosibirsk, NGU publ., 1995, 120 p.
4. Giddens E. Elementyi teorii strukturatsii [Elements of the Theory of Structuration] // Sovremennaya sotsialnaya teoriya: Burde, Giddens, Habermas. [Modern Social Theory: Bourdieu, Giddens, Habermas]. Ledeneva V. A. Novosibirsk, NGU publ., 1995, P. 40–80.
5. Dorfman Ya. G. Vsemirnaya istoriya fiziki [World History of Physics]. Part 1. Moscow, Prosvetschenie, 1974, 317 p.
6. Marks K. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii [Capital. Critique of Political Economy]. Selected works. In 9 vol. Vol. 7, Moscow, Politizdat, 1987, 811 p.
7. Merton R. Sotsialnaya teoriya i sotsialnaya struktura [Social Theory and Social Structure]. Moscow, AST, Guardian, 2006, 873 p.
8. Puankare A. Matematicheskoe tvorchestvo [Mathematical Creativity]. Hrestomatiya po obschey psihologii [Readings in General Psychology]. Moscow, Publ. MGU, 1981, P. 356–365.
9. Rozov M. A. Filosofiya nauki v novom videnii [Philosophy of Science in the New Vision]. Moscow, New chronograph, 2012, 440 p.

10. Sosyur F. de. Trudy po yazykoznaniiyu [Works on Linguistics]. Moscow, Progress, 1977, 696 p.
11. Tulmin St. Chelovecheskoe ponimanie [Human Understanding]. Moscow, Progress, 1984, 328 p.
12. Fahrudinova A. Z. Sovremennyiy rossiyskiy teatr v borbe za duhovnoe liderstvo: tendentsii i konflikty [Modern Russian Theatre in the Struggle for Spiritual Leadership: Trends and Conflicts]. Uchenyie zapiski Kryimskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kulturologiya [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political sciences. Culturology], Vol. 1 (67), no. 2, 2015, P. 126–136.
13. Holton Dzh. Tematicheskii analiz nauki [Thematic Analysis of Science]. A. L. Velikovich, V. S. Kirsanov, A. E. Levin. Moscow, Progress, 1981, 384 p.